ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ САЙФИДДИНА ИСФАРАНГИ НА ПОЭЗИЮ И ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Рахматова Озодахон Анварджоновна

к. ф. н., и.о. доцента кафедры гуманитарных дисциплин Академии туризма Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы поэзии и поэтического творчества, а также особенности литературно-критических взглядов Сайфиддина Исфарангий. Особое внимание уделяется художественному мастерству поэта, искусному использованию выразительных словосочетаний и фраз, созданию новых смыслов и отражению различных жизненных, социальных, нравственных, эстетических и философских проблем. Кроме того, анализируются отношение поэта к художественному творчеству, сопоставление мастерства поэтов, оценка поэзии Хакани и критика повторения ранее использованных тем и образов. Подчёркивается, что Сайфиддин Исфарангий призывал поэтов к новаторству, созданию оригинальных смыслов и произведений, обладающих высокой литературно-художественной ценностью.

Ключевые слова: Сайфиддин Исфаранги, касыда, поэзия и поэтическое творчество, литературно-критические взгляды, смыслотворчество, новые поэтические смыслы, Хакани, поэтическое мастерство, стиль и манера письма, литературное новаторство.

LITERARY AND AESTHETIC VIEWS OF SAYFIDDIN ISFARANGI ON POETRY AND POETIC CREATION

Rakhmatova Ozodakhon Anvarjonovna

Candidate of Philological Sciences, Acting Associate Professor Department of Humanities, Academy of Tourism International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Abstract. The article examines the issues of poetry and poetic creation, as well as the specific features of Sayfiddin Isfarangi's literary and critical views. Particular attention is paid to the poet's artistic mastery, his skilful use of expressive phrases and word combinations, the creation of new meanings, and the reflection of various life-related, social, moral, aesthetic, and philosophical problems. Furthermore, the paper analyses the poet's attitude towards artistic creation, his comparison of poets' craftsmanship, his assessment of Hakani's poetry, and his criticism of repeating previously used themes and images. It is emphasised that Sayfiddin Isfarangi called on poets to pursue innovation, to create original meanings and works possessing high literary and artistic value.

Keywords: Sayfiddin Isfarangi, qasida, poetry and poetic creation, literary and critical views, meaning-making, new poetic meanings, Hakani, poetic mastery, style and manner of writing, literary innovation.

Введение: Изучение средневековой персидско-таджикской поэтики остаётся важным направлением филологических исследований — особенно в части осмысления того, как сами поэты понимали роль, технику и ценность поэзии. Сайфиддин Исфаранги (XIV–XV вв.) — значимая фигура в этой традиции, прежде всего благодаря своим размышлениям о поэтическом ремесле и отстаиванию новаторства в жанре касыды. Исфаранги входит в число десяти выдающихся поэтов, чьё творчество, благодаря новизне идей, глубине содержания и разнообразию тем — жизненных, социальных, этических, эстетических и отчасти философских, — укрепило его художественное значение в разных литературных жанрах, особенно в касыде. Его наследие ценно не только с точки зрения художественной ценности, но и

как выражение развёрнутых литературно-критических взглядов, сформулированных в стихах и в системе его отсылок к предшественникам и современникам.

Цель настоящей работы — систематизировать и проанализировать литературно-эстетические взгляды: Исфаранги на поэзию и поэтическое творчество. В фокусе исследования три аспекта: (1) его понимание миссии поэта и критериев поэтической ценности; (2) отношение к традиции, подражанию и новаторству; (3) сравнительные оценки других поэтов, в частности Хакани, а также троицы Анвари, Хокони и Асириддина.

Актуальность исследования обусловлена вкладом в историю персидско-таджикского литературоведения и в понимание того, как сами поэты теоретизировали собственное ремесло. В контексте таджикской филологии такой саморефлексивный поэтический дискурс даёт уникальный ракурс на эволюцию поэтических норм и ценностей.

Методы: Исследование основано на текстологическом анализе дивана Сайфиддина Исфаранги с особым вниманием к тем касыдам и бейтам, где поэт размышляет о природе поэзии, роли поэта и качествах хорошего стиха. В качестве основных источников использованы:

1. Диван Исфаранги в редакциях З. Сиддики и С. Аъзамзода (см. Список литературы);
2. «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшоха Самарканди — источник современной поэту критической оценки его творчества и творчества его современников.

Методологический подход сочетает:

1. **Близкое чтение** фрагментов, в которых Исфаранги формулирует свои литературные взгляды.

2. **Сравнительный анализ** самооценки Исфаранги с критическими суждениями Давлатшоха и с поэтикой его предшественников (Хокони, Анвари, Асириддин).
3. **Тематическую категоризацию** высказываний Исфаранги о поэзии по ключевым концептам: оригинальность против подражания, эмоциональное воздействие на слушателя, общественная функция стиха, ценность «новых смыслов».
4. **Контекстуализацию** в рамках традиции персидско-таджикской касыды и литературной критики, включая отсылки к Хакани как эталону поэтического мастерства.

Результаты:

1. Критерии поэтической ценности и миссия поэта. Исфаранги понимает поэзию как искусство, которое должно вызывать сильный эмоциональный отклик у слушателя. По его мнению, если стихотворение не волнует душу — это не настоящая поэзия. Он сравнивает свои стихи с «духом святости», на котором «не осядет пыль порока»:

«Это не те стихи, что звучат как простой звук рядом с тобой,
От которых слушатель не приходит в волнение.
Мои стихи, как дух святости, навсегда,
На них не осядет пыль порока» [2, 246].

Это указывает на чёткий эстетический критерий: морально-эмоциональная чистота поэтического переживания. Ещё один ключевой критерий — создание «новых смыслов» и оригинальной образности. Исфаранги прямо отвергает повторение и подражание. Он противопоставляет себя попугаю, который повторяет чужие слова, и выбирает образ соловья, чей голос звучит из-за «завесы тайны»:

«Я соловей, чей голос звучит из-за завесы тайны,
Я не попугай, который повторяет каждое слово» [2, 427].

Он развивает эту антитезу в другом бейте, противопоставляя песню соловья крику вороны:

«Стихи — это одно, но когда они будут истинными?
Песня соловья или крик вороны» [2, 64].

Таким образом, Исфаранги определяет ценность поэзии через оригинальность, эмоциональное воздействие и нравственную чистоту.

2. **Отношение к традиции, подражанию и новаторству.** Отвергая простое подражание, Исфаранги глубоко уважает великих мастеров прошлого, в первую очередь Хокони Шарвони, которого он считает своим духовным наставником. С гордостью он называет себя наследником Хокони:

«Ты тоже знаешь, что я владею царством слова по праву,
Я наследник Хокони, потомок Шарвони» [2, 316].

Это демонстрирует тонкую позицию: уважение к поэтической линии не означает копирования; это наследование духа и стремление создавать новые, столь же сильные смыслы. Давлатшох Самарканди в «Тазкират-уш-шуаро» отмечает индивидуальные стили трёх крупных поэтов — Асира, Анвари и Хокони — и подчёркивает их уникальность: «Асир излагает свои мысли учёно, Анвари лучше соблюдает правила красноречия, а Хокони превосходит всех богатством слова» [4, 131]. Исфаранги восхищается этим разнообразием и использует его как модель для собственного понимания поэтической индивидуальности. Он критикует поэтов, повторяющих старые темы и образы, и призывает к созданию свежих, оригинальных смыслов. Это не просто личное

предпочтение, а литературно-критическая позиция: ценность поэзии — в новаторстве, а не в воспроизведении устоявшихся тропов.

3. Сравнительные оценки и общественная функция поэзии. Исфаранги оценивает других поэтов и определяет своё место относительно них, используя сравнение как инструмент формирования собственной поэтической идентичности. Он также напрямую обращается к своим покровителям, доказывая, что истинная поэзия способна даровать вечную славу. Одному из покровителей он говорит:

«Ищи имя в стихах, ибо в их океане
Вода жизни — имя благородного, оставившего след» [2, 246].

Другому он уподобляет поэзию капле «воды жизни», которая может сделать имя вечным, подобно Хизиру:

«Поэзия — капля воды жизни из её океана,
Твоё имя, как у Хизира, она сделает вечным» [2, 406].

В то же время Исфаранги осознаёт непростое социальное положение поэтов своей эпохи. Несмотря на художественную ценность, поэты часто оставались недооценёнными, а хорошие стихи не находили спроса. Он с горечью замечает:

«На рынке слабости из-за отсутствия покупателя, который есть,
Нитка за ниткой я разбрасываю жемчуг и рубины» [2, 361].

Здесь проявляется двойственность его позиции: идеалистическое представление о силе поэзии, способной увековечить имя, и реалистичное понимание маргинального статуса поэта в обществе.

***4.* Стилистические особенности и выразительный язык.** Исфаранги демонстрирует своё мастерство через сложную образность и

символический язык: «глубина смыслотворчества», «завеса тайны», «поэт, творящий чудеса», «вода жизни», «дух святости», «жемчужина смысла» и др. Эти выражения не только показывают его изобретательность, но и служат маркерами его литературно-критической программы: поэзия должна быть одновременно технически совершенной и концептуально оригинальной.

Обсуждение. Полученные результаты показывают, что литературно-эстетические взгляды Сайфиддина Исфаранги одновременно укоренены в персидско-таджикской поэтической традиции и устремлены вперёд благодаря акценту на новаторстве. Его настойчивое требование новых смыслов и эмоционального воздействия согласуется с более широкими тенденциями средневековой персидской поэтики, но при этом его прямая критика подражания и призыв к оригинальной образности выделяют его как осознанного теоретика поэтического ремесла.

Его позиционирование себя как наследника Хокони отражает тонкое понимание литературной преемственности: традиция — это не копирование, а наследование духа и дальнейшее его развитие. Его сравнения с другими поэтами и использование контрастных образов (соловей против попугая, соловей против вороны) служат не только художественными приёмами, но и теоретическими заявлениями. Не менее важен и социальный аспект его взглядов. При всём идеалистическом представлении о способности поэзии даровать бессмертие он остро осознаёт маргинальное положение поэта в обществе. Эта двойственность — между высоким идеалом поэтического искусства и суровой реальностью жизни поэта — придаёт глубину его литературно-критическому мировоззрению.

В контексте таджикского литературоведения саморефлексивный дискурс Исфаранги даёт ценные сведения о том, как средневековые поэты сами понимали своё ремесло. Его акцент на «смыслотворчестве» и «новых поэтических смыслах» перекликается с современными представлениями о творчестве и оригинальности в литературе.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут быть изучение влияния Исфаранги на более поздних поэтов, сравнение его взглядов с позициями других авторов XIV–XV веков, а также более детальный разбор отдельных касыд для прослеживания эволюции его эстетической программы.

Список литературы:

1. Исфаранги, Сайф. Рукописный экземпляр № 59 из Собрания восточных рукописей имени академика Абдулгани Мирзоева Академии наук Республики Таджикистан.
2. Исфаранги, Сайф. Диван / Сайфи Исфаранги; подготовка текста и исследование д-ра З. Сиддики. — Мултон : [б. и.], [б. г.]. — 752 с.
3. Исфаранги, Сайф. Диван; составитель и автор предисловия, словаря и комментариев С. Аъзамзод. — Худжанд : Хуросон, 2017. — 832 с.
4. Самарканди, Давлатшох. Тазкират-уш-шуаро (Антология поэтов) / Давлатшох Самарканди; подготовка издания М. Нуруллоевой. — Худжанд : Ношир, 2015. — 544 с.
5. Поэты Мавераннахра (от Рудаки до Айни); подготовка текста, редакция, предисловие, словарь и комментарии А. М. Хуросони. — Душанбе : Адиб, 2006. — 608 с.
6. Айни, С. Образцы таджикской литературы / С. Айни. — Душанбе : Адиб, 2010. — 448 с.
7. Казакова, У. Касыда в XIII–XIV веках / У. Казакова. — Душанбе : Ирфон, 2006. — 164 с.
8. Гафаров, Н. Таджикская поэтическая культура: традиция и саморефлексия / Н. Гафаров. — Душанбе : Ирфон, 2018. — 304 с.